

Латышев Дмитрий Михайлович

аспирант кафедры онтологии и теории познания
Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
<http://orcid.org/0000-0002-6756-6557>

ЭТОС ПОЛКОВОГО СВЯЩЕННИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 Г.: МИССИЯ НА ПОЛЕ БОЯ*

Latyshev Dmitry Mikhailovich

PhD Student,
Ural Federal University
<http://orcid.org/0000-0002-6756-6557>

MILITARY PRIEST'S ETHOS IN THE PATRIOTIC WAR OF 1812: MISSION ON THE BATTLEFIELD

Аннотация:

В условиях антропологического поворота в современной научной мысли заметно возрастает интерес к «человеку 1812 г.» и его поведению на поле боя, в среде тотального насилия. Одним из главных трансляторов военных норм и предписаний для солдат являлся полковой священник. В статье на основе источников личного происхождения реконструируется миссия полкового священнослужителя на поле боя. Кроме этого, анализируется специфика восприятия духовенством войны и Отечества, осмысление им поставленных задач и собственной миссии, которое происходило в контексте православной культуры, а не в русле идеологических концепций. Подобное понимание войны формировало оригинальное содержание миссии служителя церкви на фронте. В качестве таковой для полковых священников выступало одновременно и сохранение конфессиональной идентичности, и участие в «священной войне», как это предписывали идеологические лозунги. По итогам исследования статья завершается выводом о том, что этос полкового священнослужителя не являлся монолитным, что было обусловлено особенностями понимания войны духовенством.

Ключевые слова:

Отечественная война 1812 г., военное духовенство, полковой священник, этос священника, миссия священника, этика войны, православная культура, Русская православная церковь

Summary:

Under the conditions of an anthropological turn in the contemporary scientific idea there can be seen an escalating interest to a “man of 1812”, his behaviour on the battlefield among all-encompassing violence. One of the main figures translating the military norms and orders for soldiers was a military priest. Based on the sources of private origin there is reconstructed the mission of a military priest on the battlefield. Besides, the present study analyzes the specifics of understanding the concepts of war and motherhood by the clergy, how the priests understood the set tasks and their own mission, which took place in the context of the Orthodox culture and not through the lens of political rhetoric. Such an understanding of war formed an original content of church minister's mission in the field. The mission of military priests was both preserving the confessional identity and participation in the “holy war” as it was called for by state-approved slogans. The author concludes by stating that the ethos of a military priest was not monolithic, which was determined by the peculiarities of understanding the concept of war by the clergy.

Keywords:

the Patriotic War of 1812, military clergy, military priest, priest's ethos, priest's mission, ethics of war, Orthodox culture, Russian Orthodox church

Введение

Современный мир характеризуется возрастанием напряженности в обществе за счет различных видов конфликтов, вооруженных угроз и войн. Каждое из этих общественных явлений характеризуется проявлением определенных нормативных моделей поведения солдат, священнослужителей, командиров и т. д. Изучение данной проблематики в практическом аспекте является востребованным, поскольку предписанные модели поведения в военных конфликтах прошлого являются базовыми для формулирования и обоснования современных норм и правил.

Указанные нормы особенны тем, что они являются своего рода основаниями для такой формы тотального насилия, как война [1]. Во время военных действий эти нормы неоднократно подвергаются сомнению и переосмысливаются. Таким образом, данные предписания конституируются различными субъектами конфликта в зависимости от положения дел на войне и отношения к ней.

В случае с российской армией нормативные модели поведения на войне берут свое начало в православной культуре.

Институт военного духовенства как особая структура Русской православной церкви

Научный интерес представляет Отечественная война 1812 г. как масштабный конфликт в рамках Европейского региона, где было задействовано большое количество стран-участников. В начале XIX в. одним из субъектов указанных норм и предписаний в контексте православной

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «Этика войны в странах православной культуры» № 20-18-00240).

культуры выступал институт военного духовенства. Полковые священники транслировали и санкционировали те идеи, нормы и представления о войне, которые были необходимы для поддержки боевых единиц российской армии. Изучение этоса полкового священника позволяет выявить те ключевые нормативные стратегии, которые являются фундаментальными для военных конфликтов, чьи субъекты связаны с православной культурой, даже в случаях, когда страна является светской, а институт военного духовенства в армии присутствует. В документах периода Отечественной войны полковые священники называются боевыми [2], в нашей работе используется современная научная терминология: «полковые священники», «военное духовенство».

Существует несколько исторических исследований, посвященных изучению взаимодействия российской армии и священнослужителей. В первую очередь следует назвать диссертационное сочинение Л.В. Мельниковой, в котором рассматриваются особенности функционирования православного духовенства в российской армии в период Отечественной войны 1812 г. [3]. Работа содержит сведения о деятельности полковых священников, преимущественно представленные в виде их биографических описаний. Важно отметить, что повседневные труды военных клириков, их поведение на поле боя в исследовании не рассматриваются подробно, хотя сведения подобного рода могли бы дать ценную историческую информацию о задачах полковых священников и их миссии на войне.

Подобные же биографические реконструкции деятелей военного духовенства, а не глубокий анализ их мировоззрения и поведения можно обнаружить и в изысканиях историка А.А. Смирнова [4].

В публикации С.Ю. Чимарова деятельность полковых священнослужителей скупо характеризуется также через сообщение кратких биографических сведений и описание подвигов. При этом можно отметить, что начатое историком разграничение идеологического восприятия военного духовенства и его поведения на поле боя не доведено до конца [5].

Наконец, в работе С.Н. Хомченко [6] проводится подробная историко-географическая атрибуция сюжетов из дневника Е.С. Левитского, но этос самого полкового священника, его мировоззрение не стали предметом анализа автора.

В рамках религиоведческих исследований воинского этоса в системе православной культуры Б. Кнорре отмечается, что центральными категориями в нем являются понятия греха, смирения и послушания, которые могут применяться как в авторитарном, так и в гуманистическом дискурсе [7]. Военная этика, по мнению религиоведа С.А. Мозгового, обладает элементами сакральности и космичности, то есть направлена на отражение вселенской борьбы добра и зла, имеет ярко выраженные эсхатологические мотивы [8]. При этом данный исследовательский сюжет в религиоведческих работах раскрыт слабо и нуждается в серьезном дополнении философско-антропологическими концепциями.

В годы Отечественной войны полковые священники по-разному решали сложный морально-религиозный вопрос осмысления насилия в условиях, когда предписания православной культуры (например, заповедь «Не убий!») намеренно нарушались в ситуации боевых действий. Так становится видимым различие между этосом полкового священника и теми элементами православной этики, которые он ситуативно принимает или отвергает.

Исследовательский вопрос нашей работы сформулирован следующим образом: как полковой священник в годы Отечественной войны воспринимал свою миссию на поле боя? Для его изучения в настоящей статье проводится реконструкция нормативной модели поведения полкового клирика.

Основной подход в осмыслении конфликтов с позиций философской антропологии разработан философом Ю. Хабермасом. Мыслитель утверждал, что фактор религиозной культуры является значимым при формировании ценностной ориентации в историческом и биографическом плане [9]. Поэтому источниками нашего исследования избраны мемуары, биографические описания и другие материалы из личных архивов автора.

Осмысление миссии полкового священника происходило на основе восприятия войны, вклада в победу и понимания Отечества как центра православной культуры. Для реконструкции этоса полкового священнослужителя использовался семиотический анализ А. Страусса и Д. Корбин. Он также был дополнен симптоматическим чтением П. Бояничя [10] для выявления фигур умолчания (скрытые социальные травмы, амбиции, нежелательные эпизоды из личной жизни и др.).

Нами предполагается, что полковые священнослужители в условиях войны осмыслили свою миссию на поле боя больше в рамках православной культуры, нежели в контексте идеологии «священной войны». Задачи, которые ставил перед собой полковой священник, могли, по нашему мнению, заметно отличаться или совпадать с нормативными стратегиями поведения на войне.

При изучении этоса полкового священника мы использовали следующие источники: письма аббата Сюрюга, дневник полкового священника Е.С. Левитского и воспоминания о В.Я. Сицилинском в газете «Странник».

Дневник Е.С. Левитского был написан в двух вариантах на основе записей за 1812–1821 гг. В издании 2015 г. представлен их комбинированный вариант с комментариями. В дневнике описаны события Отечественной войны и Заграничных походов, имеются и сведения по истории Русского оккупационного корпуса во Франции [11]. Несмотря на лапидарность некоторых частей, в документе более развернуто представлен фронтовой быт полкового священнослужителя, нежели его поведение на поле боя. В дневнике встречаются некоторые сведения, о которых автор не знал, они были дополнены и прокомментированы С.Н. Хомченко.

Письма аббата Сюрюга к аббату Николаю из его близкого круга контактов [12] повествуют о тяжелой жизни в оккупированной Москве и о служении полкового священника М. Гратинского. По замечанию В.Н. Земцова, данная корреспонденция достаточно тенденциозна, она выражает обличающую жестокость аббата к православным священнослужителям [13]. При анализе деятельности клирика М. Гратинского в Москве сведения из данной корреспонденции были дополнены нами изысканиями отечественных историков.

Данные о В.Я. Сицилинском [14], почерпнутые из газет и популярных брошюр, имеют ограниченность в заданном героическом восприятии священнослужителей. Заметка в газете «Странник» написана намного позднее произошедших событий Отечественной войны и может содержать искаженную их интерпретацию. Это создает помехи для более глубокого изучения этоса полкового священнослужителя на поле боя.

Из исторического исследования Л.В. Мельниковой известно, что институт военного духовенства возник в российской армии во время правления Петра I [15]. Его деятельность регламентировалась такими законодательными актами, как Воинский (1716) и Морской (1720) уставы. Военное духовенство сухопутных войск вначале не было отделено от епархиального; для надзора за полковыми священнослужителями во время боевых действий назначался полевой обер-священник. По Воинскому уставу 1716 г. он придавался фельдмаршалу или генералу. Предоставленные ему права касались функций управления и суда над всеми подведомственными священниками. Указом Павла I от 4 апреля 1800 г. должность полевого обер-священника была сделана постоянной: он получал главенство (в административном и судебном отношениях) над всеми клириками не только в военное, но и в мирное время [16].

Институт военного духовенства при обер-священнике П.Я. Озерецком был выделен в отдельную организацию. Как указывает историк, Высочайшими указами, данными Святейшему Синоду в 1803 и 1806 гг., было расширено право законного участия обер-священника в деле определения клириков в полки, а также в назначении им пенсий и наград. Согласно «Учреждению для управления большой действующей армией» от 27 января 1812 г. были введены дополнительные должности корпусных священников, пользовавшихся правами высшего духовенства действующих армий и подотчетных обер-священнику армии и флота [17].

Согласно изысканиям Л.А. Лушина и К.А. Чудецкой, во время Заграничных походов в 1815 г. при образовании Главного штаба армии в его штат была введена должность обер-священника с подчинением ему духовенства гвардии и гренадерского корпуса [18].

Численность священников в боевых единицах российской армии оставалась небольшой, а количество походных церквей достигало 50 единиц [19]. Например, в «Ведомостях Санкт-Петербургского ополчения» содержится информация о том, что на 15 дружин отправляли культ всего два священнослужителя и два причетника с ними. По данным «Ведомостей Новгородского ополчения», на бригаду выделялся всего один священник [20].

Таким образом, к началу Отечественной войны была создана развернутая штатная структура института военного духовенства, которая позволяла Русской православной церкви реализовывать поддержку боевых единиц армии на всех уровнях и проводить масштабную идеологическую работу в рядах войск.

Задачи полковых священников и нормативные стратегии на поле боя

Полковому священнику предписывалось отправлять культ, проводить беседы (примером является «Сборник кратких христианских поучений для воинов» [21], составленный протоиереем Г.П. Мансветовым) и оказывать поддержку больным [22].

В дневнике полкового клирика Е.С. Левитского содержатся сведения о специальных молебствиях во время боя и погребении убитых военных деятелей: «20 августа прибыл в город Гжатск, где по приказанию обер-священника Таранецкого служил соборное молебствие об избавлении от врагов и погребал поручика Малороссийского полка Галлера... 24, 25 и 26 был в генеральном сражении в селе Бородине, где имел большие опасности, но благодаря Богу вышел цел.

Только 41 Егерский полк почти всех людей потерял, за что получил награждение серебряную медаль с надписью 1812 года» [23].

Показательно, что во время боевых действий священнослужитель совершает молебствие об избавлении от врагов, а не молится о победе российской армии или российского оружия. Закономерно предположить, что данное молебствие было совершено священником вне нормативной стратегии. Думается, что Е.С. Левитский отправлял службу исходя из сложной социально-психологической обстановки, когда он наблюдал тяжелые поражения российской армии.

В воспоминаниях Д.В. Душенкевича описано, как полковые священники возглавляли атаку, показывая пример личного мужества. Данное действие священнослужителя обозначало, что война воспринимается им как религиозная, а ее причинами считается нарушение божественной справедливости и т.п.: «Гренадеры, пред полками коих священники в облачении, с крестом в руках, шли истинно в страх врагам – геройски, у каждого в глазах сверкала слеза чистой веры, а на лице – готовность сразить и умереть» [24].

Как показывают воспоминания Д.В. Душенкевича, на поле боя сами полковые священники представлялись солдатам в героических образах. Полковые клирики воспринимались ими как воины, которые готовы были умереть за веру [25].

Также представляет интерес для нашего исследования один из наиболее известных сюжетов истории Отечественной войны 1812 г. – сражения 19 Егерского полка под Витебском и Малоярославцем с участием в бою о. Василия (Васильковского). Сведения об этом священнике почерпнуты историком А.А. Смирновым из архивных источников (личная корреспонденция), популярных изданий и брошюр (описания полков и другие издания), что определило специфику конструирования героического образа полкового священника, сделав его биографию похожей на лубочную картинку.

Как указывает А.А. Смирнов, 14 июля сражение продолжил арьергард 1-й армии у селения Какувечина близ Витебска, но вынужден был отойти к деревне Добрейка, расположенной в 8 верстах от Витебска. 15 июля в состав арьергарда вошел 19-й Егерский полк под командованием полковника Н.В. Вуча. 18 августа 1812 г. начальник пехотной дивизии № 24 генерал-майор П.Г. Лихачев обратился к члену Святейшего Синода И.С. Державину с просьбой о достойном награждении священнослужителя за проявленное мужество в бою под Витебском: «Во вверенной мне дивизии 19-го егерского полка священник Василий Васильковский во время бывшего 15 июля 1812 г. близ г. Витебска сражения по искреннему его усердию находился при начале оного впереди с крестом, благословил полк, потом в самом жарком огне, поощряя всех на побеждение неприятеля, и исповедовал тяжело раненых, где от рикошета ядра землю в левую щеку получил рану, но и с оною находился еще в сражении, пока вторично получил в крест, бывший у него на груди, удар пулею и от оной сильную в грудь контузию...» [26].

В личной корреспонденции генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова к М.И. Голенищеву-Кутузову задачи полкового священника описываются как исполнение долга: «31 октября 1812 г. священник Васильковский в этом бою все время находился с крестом в руке впереди полка и своими наставлениями и примером мужества поощрял воинов крепко стоять за Веру, Царя и Отечество и мужественно поражать врагов, причем сам был ранен в голову» [27].

Приведенное описание полкового клирика нагружено идеологией и дополнено лозунгами, которые можно найти в агитационных листовках [28].

Совершенно иной случай описан в воспоминаниях аббата иезуита А. Сюрюга. Он касается полкового священника кавалергардов М. Гратинского, который, попав в плен, решил возобновить отправление культа в оккупированной столице России. Это означало, что военный клирик поставил себе такие задачи, которые были свойственны мирному духовенству и значительно отличались от нормативных предписаний. Аббат Сюрюг пишет: «Это был иностранный поп, полковой капеллан кавалергардов, захваченный в плен при отступлении русских войск французским отрядом... Комендант площади... велел ему не менять ни слова на своей обычной литургии и продолжать молиться за Александра I, своего законного государя. Соответственно, поп повелел отпраздновать богослужение на следующий день в церкви Диякона Евпла, и все впервые за 15 дней услышали звон колоколов в городе Москве. Народ толпами подбежал к церкви, проявил величайший пыл, и, как это было в годовщину дня рождения Александра I, там по этому случаю пели "Тебе, Боже"» [29].

Мужественное решение провести богослужение священнослужитель принял с целью сохранить приход и поддержать жителей города. Указанное его действие соотносится с задачей поддерживать социально-психологическую атмосферу в условиях, когда многие другие клирики отказались проводить богослужение во время оккупации города.

Во время Заграничных походов военное духовенство совершало викториальные молебны для воодушевления боевых частей на новые победы. Например, Е.С. Левитский сообщает:

«28 сентября по назначении обер-священника в Варшаве в греческой церкви имел священнодействие, и по окончании литургии в церкви главнокомандующего собором служили викториальный молебен. Здесь был Д.И. Ростовский и парад церковный, довольно много было генералов» [30].

Полковой священник, пребывая в Варшаве, не сообщает нам никаких сведений о религиозных конфликтах или притеснениях со стороны православной церкви по отношению к католикам или униатам, в то время как это происходило на Правобережной Украине [31]. Такое поведение священнослужителя было определено на нормативном уровне. Например, в «Кратких христианских поучениях...» Г.И. Мансветова прописано: «К иноверческим храмам следует относиться с уважением, ибо “ничто так не ожесточает неприятеля, как презрение к народной вере”» [32].

Помимо викториальных, полковые священники проводили молебствия о мире с Францией. Не представляется проясненным момент, насколько такого рода культовая практика была распространённой в российской армии в годы Отечественной войны. Например, в дневнике Е.С. Левитского сообщается: «12 числа у главнокомандующего Лобанова в придворной церкви было после божественной литургии молебен о мире с Францией, где было соборное служение. Обер-священник Моджугинский, я и Витебского пехотного полка священник Струтинский. Мне назначено было литургию иметь в греческой церкви... Над самым берегом реки служил молебен о победе над врагами и окропил воинов всей 12 пехотной дивизии святой водой» [33].

Важной частью нормативной стратегии поведения военных священнослужителей в Заграничных походах было участие их в церковных парадах. Такие парады устраивались часто и демонстрировали идеологическую концепцию «Священной войны» до победного конца. Вот как описывает один из них Е.С. Левитский: «30 августа неподалеку от сея горы и города Вертю был церковный парад из 7 корпусов, где были все воинские чины. Первая церковь императорская походная* была устроена вверху самой горы. Внизу стояли под наметом Император наш и австрийский Император, прусский король, баварский король и все высокие особы, коих было множество... Литургия собором обер-священник Моджугинский, два протоиерея и два священника с дьяконом Павлом Дашкинским, ризница для всех и одежда на престол, и жертвенник и воздухи, с дьяконским стихарем, нарочито была устроена в Париже... Шесть церквей устроены были ниже императорской придворной церкви, по три церкви в ряд, в коих литургию имели корпусные священники, и каждой церкви было в параде по целому корпусу воинских чинов с генералами. В десять часов окончилось служение как в придворной церкви, так и во всех корпусных церквах» [34].

Посредством данного описания Е.С. Левитский приобщает себя к значимым событиям Отечественной войны, указывает на сопричастность к выдающимся деятелям эпохи (Александр I, Францу I Габсбургу и другим).

Важным аспектом деятельности военного духовенства в Заграничных походах были молебствия о победе над врагами, что тоже способствовало поднятию боевого духа и воодушевлению солдат на новые победы. В некоторой степени такие службы демонстрировали имперские интересы России подчинить себе как можно больше территорий в Европейском регионе. Например, в воспоминаниях генерала Милорадовича можно обнаружить следующее описание задачи, которую поставил себе полковой священник, и эмоциональную реакцию присутствовавших на богослужении: «Русский полковой священник служил молебен. Кроме военных чиновников и почтеннейшие из граждан присутствовали при оном. Я не могу описать восторга, который овладел сердцами, когда священник произнес молитву, “чтобы Господь стопы положил всех врагов под стопы Государя нашего. Они уже лежат у ног Его!” – думал каждый, – и слезы сверкали у многих на глазах» [35, с. 179].

В этом отрывке представлено осмысление победной войны до самого конца, до полного разгрома неприятеля. Из описания генерала понятно, что точно так же осознавал победоносность войны и сам полковой священник, отправлявший культ.

Во время Заграничных походов также сложилась практика сопровождения полковыми клириками атак в ходе боевых действий. Например, можно встретить такие сведения о полковом священнослужителе В. Сицилинском: «19 марта 1814 г, при взятии Монмартрских предместий Парижа, а затем – и самой французской столицы, Сицилинский шел впереди своего полка с иконой в руках, взятой у полковника П.С. Ушакова» [36].

По окончании войны боевые священники исповедовали боевые части российской армии. О побатальонном исповедании Е.С. Левитский кратко сообщает: «21 февраля начал исповедать наш полк 1 батальон. 3 батальон исповедал в селении Валенкур в квартире майора Авдеева... 6 марта начал исповедать 6 егерский полк. Окончил весь благополучно» [37].

Таким образом, Отечественная война 1812 г. в идеологических рамках воспринималась как религиозная, поскольку была вызвана «нарушением божественной справедливости». Полковым

---

* Имеется в виду Вильненская придворно-походная Александро-Невская церковь.

священникам предписывалось транслировать такое восприятие войны личным «героическим» примером. Однако биографические описания показывают, что далеко не все клирики придерживались строгих норм, заданных в приказах И.С. Державина, проповедях Г.И. Мансветова и др. Наиболее часто полковому священнику предписывалось возглавлять атаку, то есть наглядно демонстрировать, что война является религиозной.

В сложных социально-психологических условиях (например, при отступлении или в плену) полковые священники зачастую отходили от рекомендованных им моделей поведения и выполняли задачи мирного духовенства.

Во время Заграничных походов деятельность полковых клириков совпадала с нормативно предписанными им стратегиями: становится обязательным возглавление атаки с иконой, участие в церковных парадах и другое. Так полковые священнослужители стремились к сохранению и поддержке конфессиональной идентичности.

Восприятие войны и миссия священнослужителя на поле боя

Восприятие Отечественной войны 1812 г. было идеологически связано с концептом «священной войны» [38], который дополнялся идеей противостояния русского благочестия французскому «безбожию» [39]. Соответственно, военные священники являлись главными «героями» военных действий в таком их понимании [40]. Однако важно отметить, что в письмах солдат армии Наполеона такого же восприятия «священной войны», как указывает Н.В. Промыслов, не наблюдается [41]. Согласно исследованиям М. Губиной, в 1812 г. французам пришлось «осознать глубокое различие между их собственным менталитетом и системой ценностей русских» [42]. При этом свидетельства недостойного отношения солдат армии Наполеона к духовенству достаточно многочисленны [43].

В популярных среди солдат и военного духовенства проповедях Г.И. Мансветова было репрезентовано нормативное восприятие войны, она представлялась как «священное дело», а положение воина – как «промысел Божий». «Война начинается людьми, а оканчивает ее сам Бог, помогая правому» [44], – говорилось в проповедях, но при этом сама концепция «священной войны» далее не конкретизировалась, не уточнялось даже, является ли она оборонительной или атакующей.

С.Ю. Чимаров отмечал, что в наставлениях Святейшего Синода военному духовенству предписывалось: «Внушайте сынам силы упования на Господа силу. Вооружите словом истины простые души, открытые нападением коварных <...> Всех научайте словом и делом, не дорожите никакой собственностью кроме веры и Отечества» [45]. Так полковым священникам внушалась мысль, что на поле боя можно даже пожертвовать жизнью ради сохранения конфессиональной идентичности боевой части и Отечества как центра православной культуры.

Таким образом, концепция «священного дела» являлась весьма аморфной, похожей на лозунги, которые можно было встретить в агитационных листовках.

Фрагментарные сведения о восприятии полковыми священниками войны можно найти в биографической заметке полкового священника Василия Яковлевича Сицилинского, помещенной в газете «Странник»*. Первый период войны, когда русская армия отступала к Москве, он называл временем «ужасным»: «Сколько мы вынесли тут горя, так я и сказать не умею. Увечье, стоны и кровь, русская, родная наша кровь, рекой лившаяся по земле, возмущала меня до глубины души. А судьба белокаменной, к которой стали мы отступать и с которой связывали судьбу своего Отечества, а уныние людей, неуверенность в себе войска и офицеров, засим – грозное зарево огненного моря, в которое погрузилось сердце русское, и суетня жителей Москвы, торопливо спешивших кто с чем и кто куда, не приведи Господь и врагу испытать того, что пришлось вытерпеть нам за это время» [46]. Полковой священник воспринимал войну как несправедливую, возмутительную, поскольку подвергалась поруганию столица России. Свою миссию он видел в прекращении этой несправедливости и в миротворчестве.

Другое понимание войны описано в мемуарах аббата А. Сюрюга. Герой его воспоминаний – полковой священник М. Гратинский, который воспринимает войну как победную до самого конца, он осознает, что через молитву можно внести существенный вклад в победу, с чем и связаны его мольбы о русском оружии. Также четко проявляется его миссия – поддержание мира и сохранение прихода в тяжелых военных условиях. Показательно, что снисходительное отношение к православию в армии Наполеона было неожиданным для священнослужителя, который представлял себе ее согласно идеологическим лозунгам как воинство «безбожников», «антихристов», которые сокрушают святыни «православного Отечества». В условиях оккупации такой религиозный конфликт, поддерживаемый идеологией войны, перестал быть актуальным, а соответственно, задачи полкового священника и его миссия изменились и оказались направлены на поддержание религиозной идентичности, поскольку идеологическая концепция священной войны перестала быть востребованной: «Поп хотел убедиться в том, что, по словам московского протопopa, его заставят молиться за Наполеона вместо того, чтобы молиться за Александра I, и заменят имя Папы на имя Святого Синода. Комендант площади, которому он высказывал опасение по этому

поводу, велел ему не менять ни слова на своей обычной литургии и продолжать молиться за Александра I, своего законного государя» [47].

Историк Л.В. Мельникова приводит следующие архивные данные об эмоциональном восприятии богослужения М. Гратинского в оккупированной Москве: «Вся церковь, – писал в своем рапорте И.С. Державину протоиерей Гратинский, – омыта была слезами. Сами неприятели, смотря на веру и ревность народа русского, едва не плакали». С этого дня до самого выступления французов из Москвы Гратинский ежедневно совершал богослужения и в присутствии неприятеля возносил к Богу мольбы о победе русского оружия» [48].

Можно отметить, что идеологическая концепция войны как религиозного конфликта определяла миссию полкового священнослужителя как героя на поле брани, который поддерживает солдат и готов пожертвовать даже жизнью для сохранения Отечества как центра православной культуры. Менее репрезентирована в предписаниях миссия полкового священнослужителя как миротворца, как человека, который стремится к сохранению невоенного прихода, религиозной идентичности.

Выводы

Несмотря на то, что идеологический контекст задавал восприятие войны в религиозном ключе, сами полковые священники понимали ее иначе. Некоторые из них, например, как М. Гратинский, относились к войне как к победной до самого конца, а другие, как В.Я. Сицилинский, воспринимали ее как несправедливую, несвященную. Во многом указанное понимание войны, как отмечает Е. Приказчикова, было определено дискурсом литературно-эстетических направлений эпохи – сентиментализма и классицизма [49].

В соответствии с нормативным восприятием войны как «священного дела» основной задачей полкового священника считалось возглавление атаки. Однако, как показывают источники, в сложных условиях на поле боя священнослужители часто отходили от предписанных им моделей поведения и выполняли функции мирного духовенства. Касательно Заграничных походов какие-либо формы отклонения от нормативных предписаний и иных задач полковых священников нами не были обнаружены.

С точки зрения идеологических концепций основной миссией полкового клирика являлось участие в «священном деле войны» до победного конца. Однако такое понимание основного предназначения священника не было исключительным. В мемуарах и корреспонденции частично репрезентирована миссия полкового клирика как миротворца, как человека, который стремится к сохранению невоенного прихода, его религиозной идентичности.

Совокупность вышеприведенных сведений и умозаключений показывает, что этос полкового священнослужителя не является монолитным, как это представлено в идеологических концепциях. В своей миссии полковые священники стремились как к поддержанию конфессиональной идентичности, так и к участию в «священной войне». Данное противоречие было обусловлено особым пониманием войны, что и влияло на формирование представлений о содержании миссии военных клириков. Если война осознавалась как оборонительная, то священнослужители направляли свой потенциал на «сохранение и поддержание веры» в боевых частях. Если она осмыслялась как победная «до самого конца», как «священное действие», то они принимали в ней самое активное участие и оказывали воинам духовную поддержку на «побеждение неприятеля».

Ссылки:

1. Sommier I. Terrorism as Total Violence? // *International Social Science Journal*. 2002. Vol. 54, iss. 174. P. 473–481. <https://doi.org/10.1111/1468-2451.00401>.
2. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года / под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1962. 547 с.
3. Мельникова Л.В. Отечественная война 1812 года и Русская православная церковь : дис... канд. ист. наук. М., 2002. 202 с.
4. Смирнов А.А. Герой малоярославецкого сражения (отец Василий Васильковский) // *Отечественная война 1812 года в Калужской губернии и российской провинции*. Малоярославец, 2000. С. 21–27.
5. Чимаров С.Ю. Исторический опыт воинского и духовного подвижничества православных священнослужителей в Отечественной войне 1812 г. // *Управленческое консультирование*. 2012. № 2 (46). С. 219–227.
6. Хомченко С.Н. Смоленск и смоленская губерния в первой четверти XIX века в дневнике священника Е.С. Левитского // *Известия Смоленского государственного университета*. 2019. № 1 (45). С. 331–347.
7. Chirkov V., Knorre B. Russian Orthodoxy and Human Motivation: The Categories of 'Sin', 'Humility', and 'Obedience' in the Context of Human Agency and Autonomy // *Journal of Psychology and Christianity*. 2015. Vol. 34, iss. 1. P. 35–37.
8. Мозговой С.А. Религия и вооруженные силы // *Религиоведение*. М., 2006. С. 874–875.
9. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. 382 с.
10. Боянич П. Насилие и мессианизм. М., 2018. 224 с.
11. Дневник полкового священника 41-го Егерского полка Евфимия Левитского. М., 2015. 232 с.
12. Surugue A. *Mil Huit Cent Douze. Les Français à Moscou*. Paris, 1909. 72 p.
13. Земцов В.Н. Отечественная война 1812 года: 200 лет поиска истины // «И вечной памятью двенадцатого года...». Екатеринбург, 2013. С. 175–187.
14. Свиткин И. Воспоминания о протоиерее Василии Яковлевиче Сицилинском // *Странник*. 1863. Т. 3. Вып. 7. С. 101–118.
15. Мельникова Л.В. Указ. соч.

16. Там же.
17. Там же.
18. Лушин Л.А., Чудецкая К.А. Российское законодательство XVIII – первой половины XIX века о военном духовенстве сухопутных войск // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 39–44. <https://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-10405>.
19. Vujac E.L. Armee Russe: Son Histoire, Son Organization Actuelle. Paris, 1894. 430 p.
20. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года...
21. Мансветов Г.П. Краткие христианские поучения для воинов, сказанные в церкви Успения Божией Матери, при Ширванском пехотном полку, состоящем в 24-й дивизии, в 1810 и 1811 гг. в Дубне и Старо-Константинове. СПб., 1828. 160 с.
22. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года...
23. Дневник полкового священника 41-го Егерского полка Евфимия Левитского ...
24. Душенкевич Д.В. Из моих воспоминаний от 1812 года до <1815 года>. 1838 // 1812 год в воспоминаниях современников / под ред. А.Г. Тартаковского. М., 1995. С. 105–135.
25. Там же.
26. Смирнов А.А. Указ. соч.
27. Там же.
28. Листовки Отечественной войны 1812 года / под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1962. 161 с.
29. Surugue A. Ibid.
30. Дневник полкового священника 41-го Егерского полка Евфимия Левитского ...
31. Стоколос Н. Уніатська Церква у контексті трансформації на Правобережній Україні під владою Російської імперії // Український історичний журнал. 2002. № 4. С. 94–110.
32. Мансветов Г.П. Указ. соч.
33. Дневник полкового священника 41-го Егерского полка Евфимия Левитского ...
34. Там же.
35. Деяния графа Михаила Андреевича Милорадовича в Италии, Швейцарии, Турции, Австрии в достопамятную отечественную войну России 1812 года, в Германии и Франции в 1813, 1814 и 1815 годах с изображением некоторых свойств из частной и военной жизни сего знаменитого Полководца. СПб., 1816. 250 с.
36. История лейб-гвардии Финляндского полка. В 4 кн. 1806–1906. Кн. 3. СПб., 1906. 501 с.
37. Дневник полкового священника 41-го Егерского полка Евфимия Левитского ...
38. Земцов В.Н. Указ. соч. ; Мельник З. «За веру против антихриста»: православная церковь и духовенство в Отечественной войне 1812 г. (критические заметки на полях книг Л. Мельниковой) // Ural Historical Journal. 2012. № 1 (34). С. 71–77.
39. Еп. Августин (Виноградский). Слово при совершении годичного поминовения при воинах, на брани Бородинской жivotы свои положивших // «Отчизну обняла кровавая забота». Рукописное наследие Отечественной войны 1812 года в собраниях Пушкинского Дома. СПб., 2012. С. 249–250.
40. Мельник З. «Л.В. Мельникова. Армия и православная церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн». М., 2007. 416 с. // Наукові записки Українського католицького університету. Ч. 2. Сер. Історія. Вип. 1. Львів, 2010. С. 337–344.
41. Промыслов Н.В. Представления о России в письмах участников похода Великой армии 1812 года // Ural Historical Journal. 2012. № 1 (34). С. 44–53.
42. Губина М.В. Образы противников в восприятии покорителей Европы (1805–1812) [Электронный ресурс] // История : электронный научно-образовательный журнал. 2012. № 4 (12). С. 12–13. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000402-1-1/> (дата обращения: 3.12.2020).
43. Записки московского жителя, живущего в Запасном дворце, о происшествиях в августе до ноября 1812-го года // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 49–55 ; Харузин Е.А. Мелкие эпизоды из виденного и слышанного мною и из моих детских воспоминаний, пережитых в годину двенадцатого года, при занятии французами Москвы. 1872 // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 163–169.
44. Мансветов Г.П. Указ. соч.
45. Чимаров С.Ю. Указ. соч.
46. Свиткин И. Указ. соч.
47. Surugue A. Ibid.
48. Мельникова Л.В. Указ. соч.
49. Приказчикова Е.Е. Изображение человека в военной мемуаристике наполеоновской эпохи: литературно-эстетическая традиция и искушение «правдой голого факта» // «И вечной памятью двенадцатого года...». Екатеринбург, 2013. С. 107–120.

Редактор: Ситникова Ольга Валериевна
Переводчик: Герасимова Валентина Евгеньевна